

18+

ЕЛИЗАВЕТА ПРЕСТНОВА

ОТРЕЗКИ

Елизавета Престнова

Отрезки

«Издательские решения»

Престнова Е.

Отрезки / Е. Престнова — «Издательские решения»,

Графоманское тепло, которое не нашло выхода и догнивало несколько лет, решило показаться и хочет, чтобы его заметили. И прочитали. Можно посмеяться, можно словить тушечное отвращение. Я только хочу, чтобы вы почувствовали.

Отрезки

Елизавета Престнова

© Елизавета Престнова, 2026

ISBN 978-5-0069-7220-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А ты идешь по линии вперед, ничего не зная. Ты ничего не видишь и не слышишь. Как ты остаешься в живых?

Постепенно, с трудом. Сквозь случайности и возможности. Никогда не отобрать у неё понимания. Пока ты человек, ты будешь её бояться.

Она горяча, как сталь. В душе от неё клинок. Она холодная, но простодушно добрая. В её глазах стальной отблеск. Радушной, живой. А улыбка резиновая. И кожа тоже. Натянулась и торчит. Скоро все сдуется. Она больше не будет мягкой и испускающей газы. Пропала слякоть с её тела и глаз. Натянулась последний раз розоватость. Всё. Здравствуй.

По дороге домой у меня был вид. Маленькие леса посреди домов, участливо посаженные березы осуждали меня. Я кинул на траву мешок. Отдал то, что задолжал. Трава вцепилась в него. Я осмотрелся. Чтоб тебя, ночь. Берёзы отсвечивали от фонарей и внутреннего фосфора. Что ты стоишь? Иди! Но береза не пошла, а продолжила пялиться. Как ты можешь? Сквозь всю эту пустоту вдалеке мерцал свет в окнах. Я прильнул на колени к нему. Он послушно вывел меня из задворок лабиринта. Я плевался и кричал по пути. Пустоты. Пустоты окружали меня. И только трава в этот раз была довольна. Храмом Я мог назвать своё путешествие. Плюхаясь в воздухе в ямы, Я вибрировал и затыкал руками дыры в пустоте. Помнится, скручивал меня ветер, а Я плыл, хотя его не было. Пламя, память, свечи, рай. По пути Я забыл, о ней забыл. Она напомнила, когда между двух берез Я застрял в их полосках и выбраться уже не смог. А вокруг пустоты и пустоты, мешок лежит на траве в сонном параличе, слушая клекот птиц и наслаждаясь пространством. Деревья изгибались и стремились выйти за меня, обойти. Я кричал и чертыхался. Плакал, но они обошли. Застилали, плыли. Один чёрный пакет счастливо вздыхал. Мне было не до него, не по себе. Свет прорядился, зашевелились нити. Я споткнулся о нос. Кривая, кривая дорога, когда стоишь перед этим пространством. Маленький лес перед многоквартирным домом. Отпусти. Гори память, Я тебя не отпущу. Мерзкая. О как же хочется пить. Красивая, красивая, но уже нужная. Я тоже тебя люблю, но ты должна оставаться в пакете. Крошка, засунь свои пальцы себе в рот, отдай место пространству. Свет из окон потянул меня дальше. Он был искусный, отчаянный, хрустальный. Никогда не видел столько боли. Вода была грязной, Я не мыл её тогда, она была в краске, а Я выпил. Живот болел, но Я выпил таблетку. Живот болел, но Я был спокоен, Я был спокоен. Мне потребовалось всего пара секунд, чтоб удар мягко лег на её голову. Мне нравилось чувствовать её под своими плечами. Я хотел поцеловать её тогда, хотел отблагодарить. Но она отвернулась и больше не смотрела на меня, никогда не открывала глаза. Я обиделся и понес её наверх. Мы все время были рядом. Я и её кишка. Мне было больно отпускать её, она заменяла мне утробу. В жизни не видел столько смерти в ней. Понял, что ошибся, когда назвал её по имени. Я пил подкрашенную воду, синюю, глубокое море. Как же мне нравилась её голова.

Я встретил её тогда в подъезде. Она улыбнулась мне, когда подняла на меня голову.

— Привет, — сорвалось с её губ.

Я испугался и убежал. Долго потом вспоминал её хлипенькие губы. Их бы сорвать да повесить над кроватью. Но с них бы вечно капало мне на лоб. Я не любил влагу, не любил её на своём лбу. Я пил только подкрашенную воду.

В тот день Я выскабливал её портрет в стене. Мурашке сказал, что убил бы. Он не поверил и только усмехнулся, поворачиваясь ко мне всем корпусом.

— Врешь! — провозгласил он, и Я смялся под его голосом. Я потянулся к нему рукой, но вместо этого врезался по лицу. Он отшатнулся и завизжал. Я заложил свои пальцы ему в карманы брюк сзади и что то нашептал ему на ухо. Потом резко повернул его и толкнул в дверной проём. Он оглянулся на меня, и его взгляд Я бы навсегда оставил в этих стенах, будь они морозильными. Я медленно направился к нему, желая как можно скорее дотронуться до него.

— Уйди, сука! Не трожь! Уйди, получишь!

— Ну так сдай сдачи, чего ты стоишь? — Я тянул слова, и они текли сквозь зубы и капали на пол. Ещё чуть-чуть и Я бы облизнулся. Я сделал решительный шаг в его сторону.

— Уйди! — снова завизжал он и замахнулся, но заплакал и упал на колени. Я приложил его голову к паху. Я наслаждался.

— Мурашка, гнилой, ты же все понимаешь, почему ж ты молчишь? — Я гладил его по голове, подергивая изредка остатки его волосиков.

— Глупый Мурашка, Я никогда не вру. Ты это еще запомнишь.

Он всхлипывал и тер лицо о мои джинсы. Наконец, встал и долго смотрел мне в глаза. Мне нравилось, что мы с ним одного роста. Только Я выше.

— Слушай, хватит, ты меня заел уже. Остановись, слышишь! Ты меня за собой тащишь! Я в ад не хочу, слышишь!

— А в рай тоже не хочешь?

— Заткнись..

Он цедил сквозь зубы, такой беззащитный. Сердечный, а впереди уже зияла дыра на месте двух зубчиков.

— Да пошел ты!

Он резко загнул меня и толкнул в стол. Я постоял и покорчился от боли, но потом все же проследил куда он убежал. Мурашка, ты не мог быть гладеньким в этот день. Но он мог быть гладеньким в остальные дни. Я прижался к стене и стал ждать когда он вернется. Мне не хватало его объятий в тот месяц. А был октябрь и мне действительно недоставало тепла. Я вылил кипяток на пол, как только вспомнил о тепле. Ноги порозовели. Я улыбнулся и снова вспомнил её привет.

— Брат Я тебе или нет?

— да ты мне вообще никто! Отвянь!

— как ты можешь, Олег..

Он сидел на продохлившемся матрасе и пускал слюни на воротник. Рядом сияла игла. Он отреагировал на своё имя, как животное на мясо. Я тихо закатал его в полотенце и положил у входа. Он сипел и пускал пузыри, подергиваясь. Наверное, недоумевал, откуда Я знаю его имя. Мурашка думает что не употребляет. Но он употребляет.

Сгусток всегда пробегает между нами в таких ситуациях. Я попросил его не спать и пошел прогуляться. Мне надо было выпустить сгусток. Я не резал кору деревьев, Я только добирался до мурашки, который там кричал.

— Молодой человек, Я вам не верю, — не расслышав моего ответа, дежурно сигналил мне полицейский. Я отвернулся от него еще раз.

— молодой человек, уберите нож, вы в людном месте находитесь, тут с семьями гуляют, уберите

Я сорвался и побежал. Бежал долго, пока не присел у дерева. Тут везде были только люди, деревья и магазины. Камни и качели. Я пожевал кору и пошел дальше уже пешком. Круто завернул за угол и тут снова увидел, как она перемещается по двору, прижимая сверток к груди и озираясь по сторонам. Я ей помахал, но она только зверски испуганно посмотрела на меня и скрылась в подъезде. Я последовал за ней, но домофон был установлен. Я опечалился. Трудно тут. На следующий день она объяснит мне, почему убежала, почему ей нравится говорить мне привет.

— Она была вся в белом и крошечная. Башка светилась, вот прямо вся.

— Ты что делаешь?

Подошла и тихо спрашивает так, наперепев. Я ее мотнул в сторону, а она не отстаёт, тихо плывет на меня, наплывает, идёт

— так идёт или плывет?

— летит! Не мешай. Вот значит она находит на меня, я шарахаюсь, шарахаюсь по сторонам. А потом не помню. Проснулся уже тут, в луже крови. Не знаю, в своей, в чужой.

Малой лукавил. Конечно, он знал чья кровь. Она знала.

— Доставай улики, разберём. Нож куда потянул?

— можно я его себе оставлю?

— руки убрал. И, и сам или отсюда. Тебя внизу ждут.

— ну начальник, он мне нужен, я чем резать буду

Непомнящие глаза посмотрели на него, потом сквозь него.

— найдешь чем, — сказал он в себя, — уводите.

— у меня один нож. Был. Так. Не поступают.

Вам эта кровь до конца жизни сниться будет.

По ступенькам больницы стекала жижа. В ней отражалась лампочная система, кабель свисал над ней. Вот она царская утварь. Дальше, впереди — ничего.

— Антонина Семёновна, ну что это такое?

Не навреди!

..И всё таки оно наступило.

Ветер шевелил ветви, будил листья. Листья опадали, касались земли, прикоснулись к ногам. Мы убирали территорию, я с Мишкой были в стороне. Я наблюдал за ходом времени, а Мишка топтался рядом, с совершенно озабоченным лицом тыкая палку в землю и переворачивая ею рядом лежащие листья. А ещё был только август.

Мы поднялись на этаж. Лужи были вытерты, лица заспаны, каша холодна. По зоне шел охранник и медленно стрелял в нас глазами. Я оглянулся и увидел тучу над его головой. Сегодня она прольётся, подумал я. Рядом все также сидел мишка и тыкал вилкой в тарелку. Я отодвинул от него тарелку и ушел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.